

Б
О
Д
И
С

Б
А
Ш
У
Т

И

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

• СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ •

18+

Борис Валерьевич Башутин

Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39993333

SelfPub; 2018

Аннотация

Вся поэзия, созданная автором в период 1994-2017 гг., в одной книге. Философская, гражданская, мистическая, любовная и сюрреалистическая лирика, написанная в разных городах России и мира. Автор книги – востоковед-филолог. Публиковался в журнале "Сибирские Огни" (г. Новосибирск), "Изда-читальня" (Владивостокский литературный журнал), в литературном альманахе "Автограф" (г. Донецк), в литературно-философском журнале ТОПОС (г. Москва), в альманахе Astra Nova (Германия), в «УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ ГАЗЕТИ» (Печатный Орган Национального Союза Писателей Украины). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Песни для Таны	10
«Убивали Невесту...»	10
«Скрипнула дверь...»	12
«Чисто выметен пол...»	13
«С ночного корабля...»	14
«Я выброшен на берег откровений...»	16
«Северных красок дыханье...»	17
«Полночное похмелье...»	19
«Справа – стоят лжепророки...»	20
«Холст закончен чуть свет...»	21
«Холодный свет люминесцентных ламп...»	22
1	22
2	23
«Протяни ладони...»	24
«Земля пустынна...»	26
«Свей гнездо, гнездышко...»	27
«Свежесть листвы осенней...»	29
«Из-под двери моей еще сочится свет...»	30
«Холодная роса невинна и проста...»	32
«Дождливым утром я нашел птицу...»	33
«Между вечерней радугой...»	35
«Задохнулись от бессилья...»	37
«В любом искушенье...»	39

«Грехи закапывали в землю...»	41
«Лопнули ветхие четки...»	43
«Укрой меня...»	44
«В сердце моем – теплая медь...»	46
«Бабье лето – золотая нить...»	47
«Анна спит...»	49
«Видно кем-то я проклят...»	51
«Под рукой...»	52
«Прости...»	54
«Дверь заперта на три ключа...»	56
«Чего мне еще ждать...»	57
«Мать моя – черная птица...»	59
«Ребенок мой в камне спрятался...»	60
«Новый день...»	61
«Первый снег в ноябре...»	62
«На пересохших губах...»	63
«Ступает тяжело босой ступней...»	65
1	65
2	66
«Я вижу радость...»	68
«Хлеб на столе...»	69
«Открыта дверь...»	71
«Продал тебя...»	73
«Господи, стань птицей...»	75
«Колени перед смертью преклонив...»	76
«Декабрьская радуга...»	77

«Декабрьская комната...»	79
«Белый стол...»	81
«Благодарение Богу...»	83
«В дом мой осенний вошла...»	86
«Еще горчит молоко...»	87
«Мы вышли из скорбных мест...»	89
«Погляди...»	90
«Семь долгих лет у моря...»	91
«Может быть, я заблудился...»	92
«Ищи меня...»	93
«Пахну землей и ветром...»	94
«Новый день в садах из камней...»	95
«Сердца оттаяли...»	96
«Ее проворные руки живые...»	97
«Как тесна наша комната...»	99
«Солнце мягче...»	100
«Даже когда ты рядом...»	101
«Стараясь забыть...»	102
«На ветвях твоих почки набухли...»	103
«Мечтаю о свежей земле...»	104
«Зажав бескорыстный июнь...»	105
«Небо открылось внезапно...»	106
«Водой наполнила кувшин...»	107
«Июня набухшая грудь...»	109
«Липкие зерна ржаные...»	110
«Зерно не очищено...»	111

«Когда я выйду из Египта...»	113
«Нацеди мне сладких трав...»	114
«Ее искушенное тело...»	115
«Я корни пустил по земле...»	117
«И красота горька...»	119
«И не было радости больше, чем эта...»	121
«Поднимайтесь...»	122
«Хлеб убран...»	124
«Растет дерево...»	125
«День соткан из глины и яблок...»	126
«Земля вырастает в шепоте камня...»	128
«Нет времени...»	130
«Уплыть с тобой...»	131
«Молчит мой Санаксар...»	132
«...А это, чтоб ты не плакала...»	133
«Пламя во тьме...»	135
«В долине сумеречных дней...»	136
«Любимую жду...»	137
«Пробудись...»	138
«Дом. Женщина в доме...»	139
«Ребенок шевельнулся...»	140
«Свернулось козье молоко...»	141
«Мед почернел в прозрачной банке...»	142
«Перо из тростника в прозрачных пальцах...»	143
«Вот красный шелк...»	144
«Пораженный твоей наготой...»	145

«Все ближе и ближе к молчанию...»	146
«Поле ржаное...»	147
«Ночь у воды...»	148
«Дни нам даны для славы...»	149
«Спящий в дупле одинокого дуба...»	150
«Сломанный нож...»	151
«Арабской вязью ночь...»	152
«Чуткие пальцы нащупали...»	153
«Рыбаки опьянели от крепкого ветра...»	155
«Уронили крапивное семя...»	156
«Пальцы сорвали ягоды...»	157
«Свистульки необожженные...»	158
«Рабыня вещей снов и откровений...»	159
«Сон рухнул...»	160
«Смерть вещей птиц внезапна и легка...»	161
«Чернильница полна...»	162
«Новорожденная листва...»	164
«В коробочке маковой...»	165
«Она...»	167
«Ожидание добрых вестей...»	168
«Не рукоплещет чернь...»	169
«Суровые словно камни...»	170
«Слегка влажную...»	171
«Ветер тебя обнимает под платьем...»	172
«Жизнь накануне любви...»	173

I. Каменные гнёзда	174
«Пробудившись...»	174
«Последний твой хлеб...»	175
«В лесной сердцевине...»	176
«Безгласен и слеп...»	177
«Чтобы время в слова погрузить...»	177
«Ночь обнаженных ночей...»	178
«Никогда не боялись дети...»	178
«Крестит детей перед сном...»	180
«Нелепый хоровод...»	180
«Ты – сама неподвижность...»	181
«иеродиакону Марку...»	181
«Ведьмы всегда умирают...»	182
«Там, под навесом...»	183
«Зима...»	185
«Глаза...»	186
Тибет	187
«Между полной луной...»	188
Шахта. Посёлок	188
«Непокоренный и славный...»	190
«Он ждет в перевернутой лодке...»	192
«Разбуженный пламенем...»	193
«Сквозь прозрачную воду...»	193
«Мальчик...»	194
«Будешь ты...»	194
«В немой прохладе горного покоя...»	195

«В перьях разбуженных птиц...»	196
«Кровоточат иконы...»	196
«Полунагая мать...»	198
«Змеиное яйцо...»	199
«По лезвию тончайшему...»	200
«Вдоль длинной насыпи...»	201
«Я – ключ от всех замков...»	201
«Твои груди полны молока...»	202
«Там, где снег на высоком холме...»	202
Грузия. Монастырь Святого Креста	204
«Цветов гниющих...»	205
«На солнечной скрижали...»	206
II. Сны накануне войны	208
«Все дни твои – лишь мантии...»	208
«Петухи гребешками трясут...»	209
«Пустынник-сарацин...»	210
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Борис Башутин

Большая книга стихов

Песни для Таны

«Убивали Невесту...»

Убивали Невесту
Сжигали фату
Белым ветром огонь
открывал наготу
и никто наготы не стыдился...
А невеста кричала:
Разбитые в кровь
две нежнейших руки
и разорвана плоть —
черной болью сочится.
Ветром горьким умылась сполна
Ветром горьким укрылась душа
В эту ночь мне не спится
И в немой колыбельной
затихли уста
Я всю ночь в чистом поле
умоляю Христа:

«Пощади мою грешную душу...»

Убивали Невесту
Сжигали фату
Долгий стон над снегами
пронзил тишину
Заалели глухие молитвы.
Утром ранним я встала с бедою своей
И рассвета ждала у лампадных огней
Ох, не спится...

Светлым облаком легким
Лебединым крылом
укрывалась от горя
За замерзшим окном
притаилась разлука
И птицы
взлетели с ладоней моих
Бесконечная радость
Растерянный крик
в нежном горле томится...

«Скрипнула дверь...»

Скрипнула дверь
Слепые следы на снегу
В полночь домой возвращаюсь,
но домой ли?

«Чисто выметен пол...»

Чисто выметен пол
в этом храме без снов
Я хотел быть младенцем
без смертных грехов,
а весна уронила платок
у дверей
В долгом небе лишь клик
голубых журавлей.
Я хотел быть младенцем,
а стал подлецом
Я хотел быть огнем
с просветлевающим лицом

Все, что было ушло,
придавило крестом
День растерян и слаб
за промытым стеклом

«С ночного корабля...»

С ночного корабля
я вижу стройный мир
великолепных звезд,
исполненных печали
Вселенская тоска
и строгий чей-то лик
в их отблесках
и острый привкус стали
мне чудится
И откровенность волн
пугает обожженные глазницы
И серый горизонт
в желании любви
ласкает обнаженные границы
усталых волн
Крик одиноких птиц,
тревожный и бессильный
пред смиреньем,
наполнил сердце
странной красотой,
священным и внезапным
откровеньем
о близости конца
и о Суде Любви,
о новом мире

и о вечном плене,
на иго – благо,
тяготы легки,
и смерти нет
и нет пустых сомнений

«Я выброшен на берег откровений...»

Я выброшен на берег откровений
в очарованье Божьей красоты
Разлуки нет
Есть тысячи мгновений
священной и внезапной тишины,
А нивы кровоточат
кроткий Ангел
склонился над моею головой
Я пью вино огня
и умиленья,
колени преклоняя пред Тобой

«Северных красок дыханье...»

Северных красок дыханье
Коснулось уставших глаз
Горсть перевозданного снега —
к хрупким и нежным губам
Божья Премудрость таится
в складках суровых гор
Странная серая птица
в небе сплетает узор.

От золотого побега —
вновь к одряхлевшим грехам
мне возвращаться,
но тесно
в сердце тревожным стихам
Солнечный луч
ненадежен в мутном и грязном стекле
Ломок, печален, непрочен
призрачный вздох в тишине
И возвращенье к привычным,
ныне забытым делам
хуже жестокого плена
Яд, разрушающий храм
Наших прекрасных желаний
долгих молитв
и цветы —

алые маки в пустыне
отблеск багряной звезды

«Полночное похмелье...»

Полночное похмелье.
Крик ребенка в пугающей
бездонной глубине
июльских снов
Поблекшая иконка
стоит на запылившемся окне
и я уйду отсюда очень скоро
Когда?
Не знаю.
На расстрелянном стекле
последние стихи о самом главном
да ржавый нож оставлен на столе.
Забыт.
Стол. Крест. Молитва.
Покаянье.
Свечи
Мерцают в полумраке
алтаря
Зачем я здесь?
Зачем несу изгнанье
в краю,
где нет небесного огня?

«Справа – стоят лжепророки...»

Справа – стоят лжепророки
Слева – звезды белесые
А мне куда же,
Куда же, мне, Господи?
Прямо – тропинка горная,
узкая, каменистая
а позади – рычание,
волки сердечные рыскают...

«Холст закончен чуть свет...»

Холст закончен чуть свет
Теперь ты другая
Открытая и беззащитная
смелая и неловкая
Солнце золотит пол
и блестящую ручку двери
Теперь ты другая
Радостная
словно после причастья
неожиданно нежная
по-матерински ласковая
Холст закончен чуть свет
Твои волосы тянутся до порога
Сухая роза в дешевом кувшине
Нетронутое вино
Губы шепчут: «Любимая...
Любимый...»

«Холодный свет люминесцентных ламп...»

1

Холодный свет люминесцентных ламп

Вой волка безнадежный на вершине

Здесь, у воды

Я познаю себя

Сжигаю страсти на сырой лучине

Здесь, у воды

великолепен вздох

свободных облаков

и медь слепого ветра

исполнена тоски

по миру без оков.

Здесь, у воды

Лишь отблески блаженства

Мой чуткий глаз

свирепый и нагой

Глокает жадно

снег еще не стаял

Июнь смеется

Вечер синевой укрыл меня

Рукою долгой манит

Лед умирает медленно в воде
Крик чаек столь безжалостен
и горек
В венчанье неба и нагой земли
В любимых ласках
скал и злого моря

2

Комната. Белые стены.
В прямоугольном окне
бьется растерянный ветер
весь в голубом серебре
Что я нашел здесь?
Оставил?
Что потерял?
Что сберег?
Комната. Белые стены.
Ангел уснул между строк.

«Протяни ладони...»

Протяни ладони —
Ты узнаешь
У Творца есть тайные места
Там лишь снег, вода
и серый камень
золотят
бездонные глаза
Там лишь одинокие деревья
украшают
лики черных гор
Там услышишь древние преданья
Диких трав
прозрачный разговор

Я повенчан с этими местами
освящен холодной водой
вымыт неизбежными дождями
и измучен страшною тоской
по Великим и Ужасным Тайнам
по любимым лицам
и сердцам
Протяни ладони —
Ты узнаешь
Я продан в рабство
Божьих скал

«Земля пустынна...»

Земля пустынна
Земля огромна
Беспомощный голос ночи
опустошает и манит
шепчет о долгой любви
Земля пустынна
Мы спим на краю вечности,
а она молча ждет нас
кто-то умер
кто-то ушел
кто-то исчез
кто-то остался один
Господи, прости нас...

«Свей гнездо, гнездышко...»

Свей гнездо, гнездышко
высоко в горах,
Милая
Свей гнездо, ласточка,
из сухих ветров
из упрямых волос
и июльских дождей
Свей гнездо, свей

И лети искать милого,
ненаглядного,
Богом данного
На семи холмах,
девяти куполах,
да у древней стены
поищи суженого
поищи милая
сердцем северным
сверху – каменным
внутри – бережным
тайным, огненным
поищи, милая

Как найдешь, ласточка
позови солнышко,

принеси веточку из степи
горькую
и пропой песню
долгую,
золотую песню,
небесную
Как умрет твой милый,
суженый
Как одна ты на свете останешься
и вернешься в далекое гнездышко,
высоко в горах, милая.

«Свежесть листвы осенней...»

Свежесть листвы осенней
Яблоко спелое.
Что же мы с тобой сделали,
дитяtko наше несмелое?
Уронили тебя в воды бурные,
побросали венки
и молимся

Поплыли лепестки легкие,
обернулись в старинное золото
В свежесть листвы осенней
окунулись
в берега реки превратились
и остались в ладонях мокрых
лишь кресты
да осенние были.

«Из-под двери моей еще сочится свет...»

Из-под двери моей еще сочится свет
И теплых яблок аромат
уснул в постели
Никто не знает рук своих
никто не знает слов
никто не тронет детской колыбели
Мы у подножия креста —
нагие, молчаливые созданья
и то, что ищем мы
всего лишь тишина
и радость тихая
небесного свиданья
На белых простынях
лишь отпечатки душ
лишь сокровенный взгляд
ночного сладострастья
Вода. Кувшин.
Пронзительная страсть,
испепеляющая сердце в одночасье...
Мы у подножия Безмолвия одни,
Но недозволенная нежность
саднит как нож в разорванной груди
и рассекает Божию безбрежность

Нетронутая, яростная плоть —
без фальши, без утайки,
без иллюзий
столь подлинна и столь зыбка
столь удивительна в сплетении созвучий
двух беспокойных, одиноких тел,
сердец, наполненных хрустальным восхищеньем
День ослепителен. Прозрачна ночь.
Озарена всеочищающим свеченьем
И нагота освящена огнем
двух чистых глаз и двух чудесных рук
Творец невидимо переплавляет страсть
и прерывает колесо извечных мук

«Холодная роса невинна и проста...»

Холодная роса невинна и проста
Застыла на зеленых пальцах лета
Ты слышишь?
Дождь на цыпочках прошел
и дочь его твоим теплом согрета

«Дождливым утром я нашел птицу...»

Дождливым утром я нашел птицу
с перебитым крылом
у крыльца.

Я исцелил ее
дал зерно
дал приют
дал имя.
Мать смирилась
Птицу звали раздумья...
Безмолвны новые ночи:
ни луны
ни ветра
ни нового слова —
все давно уже сказано.

Птица стала моей любимой,
превратилась в икону:
золото и киноварь,
без оклада —
простая икона

И теперь мы сидим в тишине
и молчим, глядя в глаза друг другу
словно жених и невеста

в последнюю ночь перед венчанием...

Осталось с тех пор лишь одно желание

(другие исчезли в прошлом)

припасть к груди материнской

припасть губами к самому сердцу

Ухватить то, что не знал я прежде,

но есть ли надежда на ответное чувство?

«Между вечерней радугой...»

Между вечерней радугой
и солнцем простоволосым
глаза мои непослушные и серебристые слезы
Между востоком и западом
волосы поседевшие
руки мои усталые, худые и оробевшие
Между полетом птицы и небесами священными
дремлет мое одиночество —
ветер нагой и бренный

Между иконами черными и золотыми окладами
сердце мое отсыревшее,
сломанное прикладами

Между дождями и реками
молитвы мои полночные —
кони быстрые, сильные
подковы новые, прочные

Между любовью и злобою
слова мои белоснежные,
умытые легким облаком,
простые, почти безгрешные

Между мужчиной и женщиной

Врата стоят золоченые
слышится голос тихий
слышится просто голос

«Задохнулись от бессилья...»

Задохнулись от бессилья
от тоски
от слез
Разучились видеть птиц
Глаз не в силах поднять
в бесконечный простор

Смерть в глазах догорает
и искрам нету числа
Заклинаю вас
Молча прошу
на коленях кровавых
шепчу в глубине
мягкой ночи:
«Опомнитесь!»
Холод песчаный
беззвучный
каменный
отвечает мне
отвечает нестерпимой
густой пустотой.
Задохнулись от горького крика,
клейменные ложью
и ропотом
Уходите медленно

все дальше и дальше

Тревога в ваших следах вздыхает

«В любом искушенье...»

В любом искушенье
великая милость
в горе бездонном – голос Творца
Лесная дорога от храма
в брод, через реку
к дому
сладка и беспечна
Близится жатва —
нивы жаждут серпа.
Женщина —
летняя полночь
Хлеб необычно мягкий
Квасной
Тайна завета Господня
Ледяная вода,
когда губы сухие не в силах
промолвить: «Пить...»
Ты ведь знаешь, что нам
ничего не осталось
только
молиться и плакать ночью
и славить творенье утром,
а после сидеть
в одиноком раздумье,
читать, если можем, книги

или работать
и слушать звуки природы
и помнить всех живых
и ушедших от нас
в края
неземные
Ты ведь знаешь, женщина,
как красивы деревья
и травы сухие
и корни приятны на ощупь
Лианы так необычны

Ты ведь знаешь, женщина,
лучше меня,
что такое мужчина
что такое любить и жалеть
Ты ведь знаешь, правда?

«Грехи закапывали в землю...»

Грехи закапывали в землю
Умывались рассветом и псалмами
Канон Троице —
Целебные травы Господни
Я становился податливым ветром,
сборщиком фруктов,
шелковой нитью
цветом трав
учился любить нелюбимых
любить даже тех,
кого не способен любить.
Я видел следы Господни
рядом с босыми ногами
паломниц в белых платках
Я видел руки Господни,
укрывавшие нас от врагов.
Грехи уходили вместе с трудами
вместе с тяжестью бревен
и с каждым ведром навоза,
с каждым замесом молочной извести
с каждым ударом топора
И сердце открывалось шире
Комната становилась все чище
И лики женщин прекрасней
И демоны злее,

Когда песок иорданский
блестел в наших грязных ладонях...

«Лопнули ветхие четки...»

Лопнули ветхие четки
в пальцах сухих
и упали в ночное небо —
Вспыхнули новые звезды
Пробуждаются птицы
Скоро рассвет
Тихий голос читает псалмы:
«Милость и суд воспою тебе Господи»
Сладкий запах прелой листвы
Воздух прозрачен
Воздух упруг
«Помяни щедроты твоя, Господи...»
Укрой нас от черных пут

«Укрой меня...»

Укрой меня,
Мне холодно и сыро
Осенний ливень – на моем плече
В часовне тают свечи
Время стонет
в ладонях ледяных
На полотне
бездарной жизни
странные распевы
забытых дел
Беспечные слова —
плоды гнилые
и седые стены
нас разделили
Пустотой греха.
Укрой меня,
здесь так темно и сыро
здесь сотни лестниц,
лабиринтов, галерей
здесь тишина
как тягостная сила
мне давит шею
и дыхание ночей
мне опаляет веки
Серый странник

присел на краешек стола
молчит и ждет

Укрой меня,
ведь скоро станет ясно
кто умер
кто родился
кто прощен

«В сердце моем – теплая медь...»

В сердце моем – теплая медь
Руки умыты горячим свинцом
Над головою – бесовская плеть
Леший следит за моим ремеслом
В доме – ни звука
Распахнута дверь
Высохло масло в лампаде
Полынь
у изголовья постели
и ночь
ветром закрыла Псалтирь.

«Бабье лето – золотая нить...»

Бабье лето – золотая нить
из небесного полотна
Кто дарит ее,
чтобы к раздумью склонить
взглянуть на мир
с той стороны зеркального стекла...
Я смотрю из окна
на эту зрелую женщину
мудрую, нежную
с такими ласковыми глазами
и огненным ликом
и не знаю,
есть ли надежда
на новую встречу
Кто еще помнит о нас?
Кто способен утешить нас
как младенцев?

Вернуться в святую купель
В колыбель из осеннего
свежего ветра и листьев,
прикоснуться несмело
к пшеничной груди
бабьего лета,
прошепав: «Сохрани...»

Что еще остается нам?
Слышишь напев
молитвенный и глубокий
слова простые и сильные
Ты – из ребра моего бессмертного,
из рек моих сокровенных,
родников голубых
моих губ
и чистейших желаний
сотворена
Женщина —
пламенная осень
Последняя осень
перед новой войной.

«Анна спит...»

Анне Ращане

Анна спит.
Не стыдись своих слез
Не стыдись преклоненных колен
перед Распятъем
Одиночества не стыдись.
В слове твоём сплетаются
травы жизни и смерти,
рассвет затихает
в яблочных зернах.
Анна спит.
Видит светлые сны
видит старые липы
у дома,
которому молится,
видит руки
словно корни растений —
старого мастера руки,
мнущие глину
Печь,
откуда выходят фигурки
краски
кисти простые...
Анна спит.

А утром
Колодец от инея стонет
замерзший колодец,
присыпанный снегом
Анна, проснись!
Пора за водой
и за болью.

«Видно кем-то я проклят...»

Видно кем-то я проклят
(но кем и когда?)
И взгляд мой снега окутали
Корабли дали течь
Паруса
разорваны ветром,
заклинил штурвал
снасти истлели,
запутаны.
Это проклятье лежит на челе,
но не клеймом оно выжжено,
проклятье – мой крест
и в огне
оно седмирицей очищено
Нет, не тавро позорное
не печать колдовская
Боль необычная
странная
Тоска моя неземная.
Ты не ищи меня, милая
в этих словах неумелых,
в них от меня лишь дыхание
в них лишь огонь несмелый...

«Под рукой...»

Под рукой,
привыкшей к раздумьям,
белая глина податлива
словно осенняя полночь.
Из глины рождаются соловьи,
люди, звери, деревья
и ставит фигурки в печь
моя нерожденная дочь.
Мать пошла по воду.
Покосился колодец.
Тропинка мокра от росы
Прошу тебя,
войди в дом мой осенний
радость и горе мое раздели
Помолись со мной,
не пугайся слов о смерти
Вот – яблоки
не стесняйся – бери
вот – вино,
выпей со мной
немного
Может быть, чай?
Хочешь – молчи
Хочешь – я помолчу?
Не уходи,

останься сегодня в доме
в доме моем осеннем,
Я двери закрою —
никто не войдет
не потревожит.

Останься.

Утром уйдешь незаметно
Я лишь услышу скрип двери
выйду в сад
и следы увижу
и снова буду мять белую глину.

«Прости...»

Прости.

Я так измучен миром
Я так устал от сей
невидимой войны,
где поражение – кроваво и жестоко,
где враг – безжалостный анатом чистоты.
А мы все пьем
и мучаемся после,
но не от жажды
и не от вина...

Гляди,
опять приходят кредиторы
клянут нас, грешных
за беспомощность стиха
за слабость духа
за измену словом
за блуд
за непонятную тоску.

Прости.

Мы скоро будем дома,
в каком-нибудь божественном саду...
А может быть,
наш дом угрюм и темен
и путь к нему
давно порос травой

и серый филин плачет у забора
и змей шипит за каменной стеной?

«Дверь заперта на три ключа...»

Дверь заперта на три ключа —
луны ущербной,
злости и тоски
не выйти мне из дома до утра,
не получив прощенья за грехи.
Огонь еще мерцает в образах
то плачет,
то смеется
ждет молитв
Душа моя из тонкого стекла
и в ней стрела безумная саднит

«Чего мне еще ждать...»

Чего мне еще ждать?

Только смерти.

Вот она рядом —

всегда черна и спокойна.

Холодного ветра внезапного

Да еще суждено одиночество

(надолго ли?)

Руки его в волосах моих запутались

и на лоб крестом легли

холодные пальцы.

Чего еще ждать?

Искушений

лукавых и грязных?

Но стоит ли?

Вот они

словно деревья в лесу ноябрьском —

холодные, голые,

пронзительно длинные.

Не бойся ладоней пустых,

смерть справедлива,

добра,

всегда приходит вовремя.

Ты уснешь незаметно,

а утром

из-под подушки вынешь
зерна мои
и звезды
Удивишься —
они молоком истекают
и кровью.

«Мать моя – черная птица...»

Мать моя – черная птица
с белой звездой во лбу,
серая кобылица
в рыжем от грязи рву
облако грозовое,
Мягкая тишина
нежно крадется к сердцу,
а в голове – дыра.
Тонкою стружкой сочится
зерно из моей головы
Белая голубица
села на наши гробы

Братья мои родные
молятся обо мне
сестры приносят воду
и весть о новой войне...

«Ребенок мой в камне спрятался...»

Ребенок мой в камне спрятался,
его я в ладони несусь,
а вокруг все молятся идолам,
как лисы рыщут в лесу.
Дни в ноябре тягучие
словно алтайский мед
Люди плачут о хлебе и золоте,
зажимая руками рот.
Оживает в ладони камень,
на пороге – последняя ночь
прижалась щекой к коленям,
но нам ей уже не помочь —
тело ее изорвано
крючьями
топором
руки отрублены нежные
в горле – бронзовый ком.
Ребенок мой в камне спрятался
Камень упал в ручей —
под ногами дорога —
то ли до ада,
то ли до Божьих свечей?

«Новый день...»

Новый день.

Его я не жду прихода,
оставляя свой взгляд
на вчерашнем стекле.

«Первый снег в ноябре...»

Первый снег в ноябре
слишком слаб
Выйди из дома
ветреным утром
еще до восхода,
Простись с запыленным окном на Восток
Всех, кто остался
в теплых постелях
прости...

«На пересохших губах...»

На пересохших губах
вкус сырого белка,
а в этих серых глазах —
желанье древнего греха
и самых злых и глупых псов
давно спустили с цепей
и обезумев от тоски
царь просит жалобно:
«Налей!»

А в каждом кубке у гостей
то ли вино,
а то ли яд.

Князя продали сыновей,
а дочерей спустили в ад
и в самых умных головах
блещат невежество и страх
и жидкой медью и свинцом
залиты уши у зевак,
а царь проснувшись поутру,
не помнит, где его жена
и слуги варят ему суп
из не проросшего зерна.

В хоромах целый день кутеж
иконы выброшены вон
и обменяли всех святых

на гашиш и ямайский ром
Я так устал от этих сцен,
и ветер тронул серебром
сухие губы
и глаза укрыл за золотым стеклом.

«Ступает тяжело босой ступней...»

1

Ступает тяжело босой ступней
по мягкой и горячей глине
словно ведет коней на водопой
в следах кровь остывает
Нежный иней
лег на ресницы
Руки в черноте
прошедших лет
и жутких откровений
хрящей и переломанных
костей
и праха мертвецов
и быстрых теней
В глазах мерцают ужасы войны,
обманов муть,
предательств и ухмылок
хрустящий лед,
забытые псалмы
как плат
на сгорбленных плечах,
от страшных пыток

пять крыльев из шести
завязаны в узлы,
крик
как зерно
рассыпан по равнине,
А за спиной
иконы да кресты
над головою, в небе
все святые
благословляют
молча,
Благодать
открыла очи,
что почти слепы
бредешь
по незасеянным полям
Безмолвья мать,
Мать Немоты.

2

Пришла.
В ладонь горчичное зерно
зажала крепко
черный хлеб в мешке
вина бутыль
да грубые холсты

забрызганные грязью
На песке
следы
смываются водой
речной поток
несет цветы
и сок
сочится из надломленных ветвей
беспечной ивы
завершился срок
великой пустоты
больших огней
И ты пришла
навек
к алтарю
немая
с блеском в золотых глазах

Позволь,
Тебе кровать я постелю
ты успокоишься на белых
простынях
Луна и солнце
лягут в голове
в ногах свернется
брошенная дочь
и Спас тебя утешит в тишине
и успокоит бешеную кровь

«Я вижу радость...»

Я вижу радость
в каждом нежном звуке
в шуршанье листьев
в тишине ночей
в священном небе
и великом круге
благословенных Богом
долгих дней.

Ни камня не прошу
ни скорпиона
мне хлеб дают,
когда мне нужен хлеб
ни от любви я не ушел
ни от закона
Пока незряч,
но я уже не слеп
И дни мои скупы,
но безграничны
и сотканы из тысячи цветов
и я раздвинул каменные стены
и встал на перепутье трех дорог

«Хлеб на столе...»

Хлеб на столе.
Ветер пальцы свои
опустил к моей голове
Шепчу заклинанья дому
От порчи дочь свою прячу
Закрываю глаза ей руками
Разбился кувшин с молоком
Нити луны
в ладони пустые вплетаю
В ожиданье прихода
нового гостя
держу дверь открытой
грею чай
Говорю с темнотой за порогом
тихо
неслышно
забывая пустые обиды
Золотистый лук на окне
Лампада потухла —
кончилось масло
Не двигаюсь
Жду
ярких звезд
и ясного неба
ночного

Жду

шорохов летних

таинственных сладких

Жду бессилья...

«Открыта дверь...»

Открыта дверь
и за порогом —
неспешный праздник и огни
Слово мое – лист виноградный
на мягкой земле
Снова странные сны
касаются нежно
забытых шрамов
Декабрь могуч
только сонный и злой
прячет в ладонях
опухшие веки
В морщинах
запутались
ветры
и зной
в дерзком теле
шумит и волнует
тревожную кровь
Вор присел на кровать
Я засыпаю
Чистая простынь
У изголовья – ослепшая мать
Окна открыты
Снег падает молча

Таает на ликах икон
Она мне сказала:
«...люблю твои руки,
скажи мне, что это не сон»

Золото дней
потускнело
У дома
лопнула крыша
Слезятся глаза
Черных от времени
стареньких окон
Грубых зеркал
золотая слеза
тихо скатилась
и в клюве у птицы
стала жемчужным зерном
Двери открыты
Что же ты медлишь?
Плевелы выжгут огнем

«Продал тебя...»

Продал тебя
заставил смеяться над
собственной мукой
Песни твои
бросил в колодец,
Ждал,
что родится молчанье
не ледяное,
а теплое и живое
словно младенец
новорожденный.
Предал тебя
огню
холоду
ветру
Ждал,
что научишься плакать
плакать о мире
 о грехах
 о детях
Умолял тебя
долго,
мудро и терпеливо,
Ждал,
что сумеешь молиться

всегда и везде
взглядом,
шепотом
криком беззвучным
Любил тебя

«Господи, стань птицей...»

Господи, стань птицей
Расправь свои крылья пречистые
Благие и нежные
Укрой нас
Бесконечное лето оставь
в наших хрупких глазах,
зиму – в ладонях.
Сделай огонь чудотворным
мы восславим огонь,
Воду – целебной,
мы восславим воду,
склонимся к воде,
узнаем наше новое имя,
такое же
только красивее
и светлее,
имя рожденья и смерти.

«Колени перед смертью преклонив...»

Колени перед смертью преклонив
Прошу в молитве
Внемли, Боже, мне
вечному, слабому, жалкому
Замеси меня
с древними тайнами
с молитвами
с плотью и кровью твоей
с иконами
с красками райскими

Замеси меня, Господи
дай мне крик,
что был тихими травами,
гладью озера ночного и ослепительного

«Декабрьская радуга...»

Декабрьская радуга.

Вино

Сухое, розовое

греет

За окнами – огонь

Холодный

обжигает кожу

Пьем чай с душицей

Пьем вино

Болтаем

Все как всегда,

но мы уже не те,

что были прежде

Мы – иные.

Лжецы,

то полугрешники

то полудети,

то искренни,

а то лукавы,

то стон и плач

у стен Иерихона,

отчаянье Иеремии,

то беглецы из Иудеи

и из рая,

всевидящие старцы

и слепцы,
то щедрые,
а то беспечны,
Мы – свежая земля,
Мы – боль воды...

И нагота твоя добра,
но с горечью полыни
в ней радость, опаленная любовью
в ней сотни тайн
в ней грозовые муки
в ней тополя горящие
в ней пламенеющие ливни...
А ветер крылья мои уносит,
с шеи срывает оберег,
камни бросает в лицо —
холодные, острые
и ладони мои очарованы
доверчивым взглядом,
очарованы верой...

«Декабрьская комната...»

Декабрьская комната.

Ребенок.

Он днем смеется,

ночью плачет,

приносит хлеб и вино

Лед на стекле тихонько ломает

Он ночью плачет —

мать не умеет молиться

Зову тишину

Зову тишину и Бога,

чтобы снова родиться

в одиноких слезах,

снова родиться,

Приглушенным светом

и чистой водой

выбелить раны.

Женщина —

Мягкая глина

Бессонная ночь

Глаза твои – ветер

огненный, пьяный

с клеймом колдовским

недобрым,

с запахом трав

и лука
руки твои,
Тень твоя – дерева тень
(камня полет)
Без цвета,
Без звука.
Воскресное утро —
губы твои,
уставшие от ожидания
Сердце твое —
Детские сны,
Эхо быстрых шагов
по мокрой дороге,
Тонкая нить молчанья

«Белый стол...»

Белый стол.
У любви
нет имен
нет границ
Я оставляю в холодных ладонях
тысячи каменных птиц
Я оставляю иглы и косы
для вашего жадного рта
Усталость как тень
раскаленного золота
За стеклом – терпеливая тьма
Сирин слился с моими глазами
Я стал палачом
жестоким и злым
Снег на плечах
Снег на окне
Книги забыты
Месяц остыл
Тусклый и скучный
узор в сером небе
Дождь в декабре
столь внезапен и юн

Милая, слышишь?
Нежная радость

в трепете солнечных струн

«Благодарение Богу...»

Благодарение Богу
за эти чудные дни,
Меня называют лжецом,
Мое имя томится в пыли
Не презирайте моей простоты,
Не отбирайте огонь
Открытый и беззащитный
Я молча стою
перед тобой...

Я принес тебе семя,
кровавое и родное,
семя,
созревшее
в полях одиноких, усталых,
вечных
семя,
пронзенное сотнями молний,
наше общее семя,
спокойное и простое
словно взгляд терпеливый
и верный
словно волны морские,
чистые, крепкие
Принес наше семя

и бросил
в рыхлую почву,
изнемогающую от ожидания,
благословил
деревья и камни
благословил
вещих птиц,
притихших на плуге
тяжелом
Опустил свои руки
по локоть
в эту влажную,
жаркую почву
Живую, любимую, гулкую

Опустил свое сердце
в чашу с вином
и любовью,
освятил твое лоно,
написал свою радость
на обычных вещах,
на бедности тихой,
на груди познавшей
губы ребенка,
на руках, что качают
смирненно
хрупкую дочь,
на нательном кресте
у Спаса в ногах,

на твоём пробужденье

Написал,
Обнял тебя —
такую близкую
такую божественную
и смешную
такую великую и доступную,
такую светлую

«В дом мой осенний вошла...»

В дом мой осенний вошла
быстро, внезапно,
взбежала по деревянным
ступеням,
двери открыла,
найдя ржавый ключ на стене
на ощупь
нежными пальцами
тронула веки и губы мои,
задрожала,
узнав о любви,
о бездонности наших сердец,
засмеялась и тихо уснула,
незаметно уснула
в багровых отблесках
нового дня

«Еще горчит молоко...»

Еще горчит молоко
в любимой и нежной груди
Гибкий тростник на ветру
В городе – белые сны
спокойные словно смерть
ясные словно первая боль
Безудержные и удивительные
В теплой ладони – соль
Живая вода
Приют
от хвори и скользких бед
Пусть ищет меня вода
пусть ищет во мне ответ.
Кровав и просторен сон —
дорога меж трех дождей
Влажные стены
диким плющом
обласканы
Горькая тень
на хрупких ветвях тополей
на молитвах из трав и вина
Благодарение Богу —
сердце мое из стекла
Руки – созревший хлеб
стройный, открытый, живой

Благодарное лето у ног
тихонько играет со мной

«Мы вышли из скорбных мест...»

Мы вышли из скорбных мест
Путь наш по острым камням

Мы вышли из топких болот
Вернувшись к священным корням
Блаженные словно иней
ранним утром в святом феврале
простые и бесконечные
Мы пришли к затонувшей ладье

«Погляди...»

Погляди,
вся земля источает
запах дождей и печали
запах огня и солнца
запах вина и стали
Чтобы ты спал спокойно,
уставший от состязаний
чтобы ты стал мудрее —
белым в цветной эмали

«Семь долгих лет у моря...»

Семь долгих лет у моря
в травах соленых и горьких
в каменном жернове мельниц
тихонько сидели,
молчали
лишь изредка говорили
о чудесах повседневных
о ветре – холсте непрочном,
забрызганном краской и вербой

«**Может быть, я заблудился...**»

Может быть, я заблудился
Корень с лозою слился
По полу церкви бродят
предков живые тени.
Венок из крапивы свился
Лег на чело бесстрастно

В сердце моем – спокойно
В пальцах моих – ненастно.

Может быть, я оступился
жидким свинцом умылся
Вышел на берег утром,
горькой воды напился
И на ладони солнца
тоненький как былинка
Я от жары свернулся
и с тишиною слился.

«Ищи меня...»

Ищи меня

в полуденном веселье

прозрачных птиц и золотой хвои

в словах молитв простых и сокровенных

в камнях и травах

в трепете листвы

Ищи меня

в полуночном раздумье

в пригубленном вине

в руках отца

Ищи меня

в дожде,

весеннем

первом

и в покаянном плаче

подлеца...

«Пахну землей и ветром...»

Пахну землей и ветром
Теперь я, наверное, знаю
волчьи повадки
законы
зимней голодной стаи
запахи снега и крови
дома и человека
холодного голого поля,
вкус воспаленного бега
по насту
по руслу речному,
уставшему от ожиданья
новой весны
и звезды —
свет золотого молчанья.

«Новый день в садах из камней...»

Новый день в садах из камней

Благодарение Богу за сестру нашу – смерть.

«Сердца оттаяли...»

Сердца оттаяли
в желании молитв
Сухие губы просят покаянья
Проходят дни бездарно
и печально
И черный хлеб
на каменном столе

«Ее проворные руки живые...»

Ее проворные руки живые
ее внезапная боль
ее непослушная боль
ее слезы скупые
ее медленный взгляд —
взгляд с иконы
ее искренность —
холод февральский.
Ее тайные мысли,
опутанные цепями
Легли на дно моей
древней реки
и все стало проще.
Дороги ушли
Ты теперь везде и во всем
Наши ночи —
из сладкого яда безумства
Ночи, окрашенные луною
Ночи, когда нагота становилась
безбрежной и новой
И мы,
засыпая,
Ждали,
Как утром постучат
в наши слабые двери

и громко промолвят:

«Война!»

«Как тесна наша комната...»

Как тесна наша комната,
Когда мы возводим стены,
что пронзают сердца,
разрывают хрупкую ткань
Кровь густа,
необычно густа,
Мы непослушны,
капризны и так одиноки
Я пью чай
Ты пьешь воду
День выпивает ночь.

«Солнце мягче...»

Солнце мягче
Прозрачнее дни
За старым стеклом
тает снег не спеша
Тени немые все необычней
Камень встречает землю
Воздух – деревья.
Губы твои смелы и умелы
В руках твоих ночь,
звездная ночь —
без движения страсть
Слово без мысли
Радость без сожаленья,
долгая радость.

«Даже когда ты рядом...»

Даже когда ты рядом
тоска моя неугасима
Спящие губы твои вспоминаю
и неистовость тела
задумчивость глаз
и бездонность
и крою себе странное платье
без лицемерья
без лжи
без печали
платье надежды

«Стараясь забыть...»

Стараясь забыть
те руки и губы чужие,
что когда-то тебя ласкали,
пытались любить
стелили постель
открывая первые двери
хрупких движений
и неизбежных желаний
Я лег на пороге
декабрьского озаренья,
в бессонность ночей
опустил свои руки,
в вечность молитв
опустил свои пальцы,
стал шелковой нитью
в блеске и ужасе
ясных и бережных глаз
твоих удивленных глаз
А ты отвечала —
Им – безразличною лаской
мне желаньем родить ребенка

«На ветвях твоих почки набухли...»

На ветвях твоих почки набухли
мои листья проснулись
прикоснулись к полынному солнцу
солнце красками тронуло
стены нагие,
где нам жить,
и смеяться
и плакать
Стены нагие,
(дома напротив)
серый цемент,
отрешенный от мира
ненадежный и хрупкий
Я твой запах едва различаю
Он с моим неразлучен навеки
Глаза твои стали моими
Что нам осталось?
Состариться вместе,
укрыв свою жизнь
созерцаньем
икон и деревьев
воды и блаженного камня
на дне ледяного ручья
ручья у корней липких сосен

«Мечтаю о свежей земле...»

Мечтаю о свежей земле —
неистойой и простой
Дождь – поседевший монах
На ощупь руками – нагой
Ночь чище
И день длиннее
беспомощно-хрупкий день
Наполнены влагой глаза
влагой осенних дождей.

«Зажав бескорыстный июнь...»

Зажав бескорыстный июнь
в промытых ладонях,
задержав его ласку в зрачках
Я спустился к реке
только вода оживляет
только вода изгоняет страх.

«Небо открылось внезапно...»

Небо открылось внезапно
И стало легко
Руки
Чуткие руки
протерли стекло
Утро – уютный вагон на Восток
В бережных пальцах
уснул терпкий сок
Краски в воду упали —
Цветная вода
Ты оступилась
(А может быть я?!)
Ты замолчала
И стало светло
Время ужалило в губы
Время прикрыло окно

«Водой наполнила кувшин...»

Водой наполнила кувшин
из красной глины
без глазури,
раскрасив новые холсты
небесной краской
Шелк свернули
две оробевшие руки
Два древних и глубоких глаза
глядят из мутной пустоты
Их блеск – сияние алмаза
их веки – золотая нить
Земные зеркала устали
Рассыпались песочные часы
под взглядом преисполненным печали
И черствый хлеб на каменном столе
добыча птиц,
сердца —
добыча страсти
Прошу тебя, вина мне принеси,
стань кровом страннику в ненастье.
Водой наполнила кувшин,
перекрестив дорогу под ногами
Не бойся змей —
они лишь голос тьмы
Тебя укроют Ангелы крылами

«Июня набухшая грудь...»

Июня набухшая грудь
во влажной ладони земли
Сорви сокровенную песню
с тяжелой и пыльной сохи,
сорви мне скрижали золотые
с глубоких податливых вод,
Сорви нам иконы простые
с ранимых ветвей и сот...

«Липкие зерна ржаные...»

Липкие зерна ржаные
в крепких руках зажаты
свечи давно потухли
Травы ветром примяты
Мир из воды и камня
хрупок и ненадежен
Вспомни о том, что свято
Вспомни, как день твой прожит.

«Зерно не очищено...»

Зерно не очищено,
влажное,
словно камень и солнце
смешаны
В кувшинах наших мука
Мука из печали и времени.
Дела все отмерены,
взвешены;
помазаны
маслом и семенем
помазаны
кровью и ладаном
помазаны
дегтем и сахаром.
Я жду на земле нераспаханной
Я жду одряхлевшего пахаря
с сохой из чистого золота,
жнеца жду с косою жемчужною
в терновом венце
и солодом
напоен
укрыт покрывалами
обласкан ветрами и травами
я жду терпеливо
размерно

В любви и тоске
вне времени
я жду...

«Когда я выйду из Египта...»

Когда я выйду из Египта
бездарных дней
бесцветных слов
Когда последние молитвы
мой верный Ангел вознесет
к престолу пресвятого Бога
к моей славнейшей Госпоже
Я буду в страхе и надежде
Я буду словно в странном сне
и хочется сказать немного
и хочется воздать хвалу
всему, что было так недолго,
что я любил и что люблю.

«Нацеди мне сладких трав...»

Нацеди мне сладких трав
С шеи оберег сорви
Ветер – то силен, то слаб
Звери на стальной цепи.
Лен просушен
И сестра
ткет цветное полотно
Вор сидит у царских врат
крошит битое стекло
На окладах у икон
Молоко всех матерей
Путь мой как веретено
в цепких пальцах палачей.
Нацеди мне долгих снов
безмятежных и простых,
чтоб не видеть жадных ртов
одичавших и пустых

«Ее искушенное тело...»

Ее искушенное тело
на руках моих
бесконечных,
обнаженное сердце – в струях речных
губы – в осоке укрыты.

Терпкая словно вино
ветру сестра
и подруга грозе
Тень свою забывает;
Предчувствуя ночь,
в безупречных одеждах
появляется тихо
и вновь исчезает,
растворяясь в полуночной дымке
Радостная и просветленная
возвращается в дом
к детям,
застывшим в тревоге
у окон,
в привычную леность
тяжелые бедра свои
опускает,
смеется.
Лесной полумрак

ее гладит рукою —
свой знак оставляет
на нежных плечах
на сосках
от желания горьких
на простыне теплой
и молча уходит,
скрываясь в корнях
твоих древних,
скрываясь в реке
твоих мыслей...
Земля моя,
Тана...

«Я корни пустил по земле...»

Я корни пустил по земле,
воедино сливая звезды
и крылья
Воды раскрылись
Я имя твое написал
на скрижалях небесных,
ветру напел твое имя
огню рассказал твои сказки
Воды раскрылись
Слоистые, гулкие воды
и гнев мой
как пух тополиный
растаял
в тоскующем звоне.
Над пламенем утро
склонилось
я слов не услышал
руки пустили корни
сквозь глину
песок
проникли
к сердцу
из льна и стали
к сердцу
деревьев цепких

«И красота горька...»

И красота горька
в круговороте ночи
Ладони – чистый воск
отерли пот со лба
Уже блестит роса
на деревянном ложе
Глаза мои мудры
Постель твоя чиста.
И камни у реки
хранят покой и верность
Прикосновенье рук
к дрожащему огню —
как медь на рану,
странная покорность
в глазах у ивы
Ветер пастуху
шепнул о чем-то
неизбежном,
хрупком
Тяжелый сон
под пологом светил
Еще так много дней,
чтобы раскрасить
тончайший шелк
неведомых глубин

«И не было радости больше, чем эта...»

И не было радости больше, чем эта
и небо бежало вдоль губ синим светом
по песням пропетым
по травам и крышам
И были ладони полны спелых вишен

«Поднимайтесь...»

Поднимайтесь!

Тела свои поднимайте

Из земли одряхлевшей

Выкапывайте серпы, зарытые в поле пшеничном

После осенней жатвы

Пусть вырастают крылья

Крепкие и тугие

Орлиные крылья

Поднимайтесь!

Будьте мудры как змеи

и просты словно воды речные

Бурные воды,

Несущие сладкую нежность

в бескрайнее небо

Росою умойтесь!

Первой майской росой

Смойте весь пепел из глаз

Одиноких и ясных

Губами коснитесь неба-

Долгих рук его ласковых, сильных

Лба его тихо коснитесь

Поднимайтесь!

Чудным страхом укройтесь

От лжи и напастей

От войны защититесь слезами

«Хлеб убран...»

Хлеб убран
Золотые тени
На влажных крышах
Долгий сон
Дарован травам и деревьям
Я глуп и немощен
Смешон
Перед закрытыми дверями
В чистейший мир смиренных глаз
Перед ночными алтарями
В хрустальный бесконечный час
Смешон
В предчувствии рассвета
в полях, чье тело – грязный шелк
Хлеб убран
Бережное лето
Смеется бессловесным ртом.

«Растет дерево...»

Растет дерево
Черное, страшное:
не вьет гнезда птица
зверь не подходит – боится
А ты стоишь рядом
Молча и неподвижно
Словно травы нагие
в безветренный день,
Прячешь лицо свое
в теплых камнях священных,
в теплых камнях разрушенных храмов
И я удивляюсь,
почему мы не знали друг друга прежде?
Дочь моя,
Тишина сокрушенного сердца...

«День соткан из глины и яблоч...»

День соткан из глины и яблоч
День соткан из мраморных снов
Пугливый огонь у замерзшей осины
Последний пастух занемог

В Египте беспечных скитаний
оставлена длинная плеть
На черной мозолистой коже
оскалилась красная медь
Свинцовые шарики боли
застыли на узких концах
И воют хромые шакалы
И ветер, что пахнет песками,
завернут в расплавленный страх

День соткан из грязи и пыли
Мертвы пастухи
Кони, прочь!
Колодцы отравлены ядом
страстей
И упрямая ночь
рисует на тонких запястьях
узоры из странного сна
Над пеплом сгоревшего солнца
блаженная плачет сестра

«Земля вырастает в шепоте камня...»

Земля вырастает в шепоте камня
Из земли появляются дети —
Золотистые стебли
Их прозрачные пальцы всегда холодны и упрямы,
Но головы ветром пригнуты
Сорваны ветром одежды.
Нагие и беззащитные
Слушают песни —
Змеелова
Песка
Скорпиона
А когда устают,
засыпают в покинутых гнездах —
Ветхих, печальных.

Дождь умывает лица —
быстрый, короткий ливень...
Вот, за шитье садятся:
Иглы – любовь и молитвы
Нити – огонь закатный,
терпкий настой из солнца,
тоски и полыни.

Бога лик вышивают

Осень – время для снега,
Время для размышлений,
Время носить во чреве,
детским почерком
легким, наивным
писать о насущном,
не касаться друг друга руками —
бояться,
просто бояться и верить,
что сын к нам придет,
постучится...
Откроются двери.

«Нет времени...»

Нет времени
Оно – веретено,
что прокололо пальцы до крови
Вода в реке – парное молоко
По глади шелковой небесные цветы
Плывут
Сквозь полдень безначальных дней
Сквозь разговоры солнца и луны
Пустынный берег

Золотая нить в холодных пальцах
бронзовой реки
Взмах крыльев
Безнадежный крик
Семь райских птиц запутались в силках
Нет времени.
Забытые псалмы
еще живут
в измученных губах.

«Уплыть с тобой...»

Уплыть с тобой
По огненной реке
в леса, наполненные влажной тишиной,
где мед янтарный спит в святом цветке,
где тайный шепот птиц нежней прибоя,
где утренний прилив похож на мать,
что укрывает ночью нас украдкой,
где радость в каждом взмахе снежных крыл,
увитая лозой
беспечной
гладкой

Лети со мной,
умытая росой —
холодной и живительною влагой
Бог открывает небо не спеша,
лаская солнце,
воскрешая травы

«Молчит мой Санаксар...»

Молчит мой Санаксар
Перо остыло
Спит адмирал в заснеженном лесу
Мне кажется, что все когда-то было,
что время-танец волка на снегу
Что красота – всеочищающая сила
ласкающей и сильною рукой
утешит сердце
(на ветру заныло)
расплавит воск упрямый и нагой.

«...А это, чтоб ты не плакала...»

...А это, чтоб ты не плакала —
волчья ягода с сахаром
и зелье горькое с солодом,
когда нас измучают холодом.

Что ж ты не молишься, милая?
Срываешь замерзшие ягоды —
сладость такая жгучая,
вкус ледяной,
цвет маковый
Вот налетели вороны
раннее утро выпили
Губы твои горячие уберегли от погибели
В доме твоём растерянно
бродят багульник с крапивою
Ночью светлую, долгою
ветер зовет тебя милою.

Ветер зовет ненаглядную
Звезды от зова прячутся
Простоволосая матушка
Богу негромко плачется.

Что ж ты не молишься, славная?
В пальцах – червонное золото

Нежная грудь покорная
стянута черным холодом.
И покатались бусинки —
лопнула шелкова ниточка
Дверь приоткрылась, скрипнула
Дочка вошла на цыпочках.

«Пламя во тьме...»

Пламя во тьме.

Лен и вода.

Просветленные лица. Промытые очи

Зреют. Созрели.

Холодные капли блаженного сна

В круговороте таинственной ночи.

«В долине сумеречных дней...»

В долине сумеречных дней
лев бьется с собственной тенью
И дети шелковых дождей
внимают ангельскому пенью
Природа вся горит тоской
по чистоте иного мира
Тончайший сон лесов и рек
сверкает в белизне эфира
В глазах – прекрасная печаль
Нет тайн и новых откровений
Твое простое ремесло скользит по глади акварелей.

«Любимую жду...»

Любимую жду
и тихонько ревную
Грустный вечер
Уснул на коленях зимы.

«Пробудись...»

Пробудись,
забудь о снах,
вечер мой
На снегу – тень ветвей
в голосе твоём – покой
Из руин долгих дней,
из густой воды, стекла
соткан взгляд —
хрупкий взгляд
Вечер мой,
твои глаза —
плач тоскующих вершин
зимних сумерек огонь
Пробудись,
забудь о нас,
Вечер мой.

«Дом. Женщина в доме...»

Дом. Женщина в доме.
Зеркало. Капли воды.
Неумолимо холодное время
молча стирает следы
Мокрый песок. Неизбежные птицы.
Йод. Чешуя мертвых рыб.
Где-то в водорослях синих
Сердца кусочек притих

«Ребенок шевельнулся...»

Ребенок шевельнулся
Плачет дочь
Зовет меня
И ветер за стеклом
холодную раскачивает ночь,
играет с нею
словно с лепестком
засушенных в тяжелых словарях
лесных цветов
Приходит Рождество
Все в хрустале
в огне
в колоколах
В руках его – небесное весло
В сияющей надзвездной тишине —
короткий мир,
блаженные три дня
Рассказываю сказки
Дочь не спит
И Тана у икон... совсем одна...

«Свернулось козье молоко...»

Свернулось козье молоко
Цветы граната истекают соком
И на лозе пурпурное вино
разбавлено водой смиренным Богом
Земля тепла
Забылась в легком сне
как будто спасена
и неизменны
движенья рук
в палящей пустоте
и сердца стук сквозь каменные стены.

«Мед почернел в прозрачной банке...»

Мед почернел в прозрачной банке
Я комнату закрыл и вышел прочь
И на песке у озера темнеют замки,
что вылеплены маленькой рукой...

Химеры спят. Мокры колокола.
Печальная часовня в синем свете.
Густой туман тяжелые мазки
кладет на холст
Блаженные как дети
мои стихи
Недобрая молва
скользнула
по тревожному лицу
На сердце Иудейская война
И руки тянутся к забытому греху
А после – долгий труд
как в забыты
слова о главном – несколько молитв
И мед на пальцах – сладкая роса
словно янтарь
на шее у блудниц.

«Перо из тростника в прозрачных пальцах...»

Перо из тростника в прозрачных пальцах

Слегка дрожит.

Ласкает руки сон.

Тяжелый день в сиреновом наряде

Уснул в объятьях бесконечных крон.

«Вот красный шелк...»

Вот красный шелк
на обнаженном теле
Тяжелая парча у крепких ног
Чего желать?
Скупых прикосновений
холодных глаз
или уставших рук?

«Пораженный твоей наготой...»

Пораженный твоей наготой
Является день
Переполненный вздохами моря
Ледяной белизной и снегами.
Прижимается крепко к твоим волосам,
непостижимым, трепетно пряным.
Тонет в холоде огненных глаз
Тихо стонет в камнях,
ожидая сестру свою – ночь,
хозяйку молчанья и звезд
обжигающих, пьяных.

«Все ближе и ближе к молчанью...»

Все ближе и ближе к молчанью
Я вновь возвращаюсь к огню
славянских молитв и преданий
Я – холст на февральском ветру
Я – плеть из боснийского неба
слепая, горячая медь
И тень зачерствевшего хлеба,
упавшая в гибкую сеть.

«Поле ржаное...»

Поле ржаное
Зерна растерла в ладонях
и улыбнулась
Июня последние дни.

«Ночь у воды...»

Ночь у воды
и странный поцелуй:
друг детства необычно нежен

Спят острова
Ни страсть и ни любовь
твое скупое сердце не утешат
Ни суета, ни ложь
и ни покой —
Бесцветный опыт в медном поцелуе,
А утром – пустота
Речной прибой
солонинкой иероглифы рисует.

«Дни нам даны для славы...»

Дни нам даны для славы,
чтобы рождать героев —
великих в смиренье
и сильных
пламенным сердцем и волей
Ночи даны для молитвы-
легкой и непорочной
(руки увиты цветами
травую упругой и сочной)
Вечер – для детских игр
для размышления и чая
Пахнет душицей, кипреем
Меряет время свечами,
Держит весы из тонких
нитей закатного солнца
И на груди хрустальной
Оберег – чистая бронза.

«Спящий в дупле одинокого дуба...»

Спящий в дупле одинокого дуба
Обласканный летним теплом
Нашедший свое утешенье
в созерцанье воды и икон...

Над клевером пчелы кружатся
Медвежонок спросонья урчит,
царапает влажную землю
Эхо проснулось
Утро не спит.

Дочь моя пахнет ребенком
вкусной и сладкой едой
Умытый грозю и ветром,
Проснись,
нам пора за водой
По глиняной, узкой тропинке
втроем побежим
У реки
Бездонное сердце
и руки
как отблеск небесной сохи

«Сломанный нож...»

Сломанный нож

Кем-то брошен на скользкой дороге

Размышляю

Поднять или нет

«Арабской вязью ночь...»

Арабской вязью ночь
писала книгу
о самом сокровенном и святом
В одеждах из египетского шелка
она входила робко в отчий дом
У очага садилась
и молчала
о нас
о детях
и о Судном дне
Чертополох сухой
в руках держала
узоры рисовала на стекле,
А утром исчезала
в лунном свете,
оставив на пороге мягкий воск
и тень волос на глиняном кувшине
и на спине – следы от острых розг.

«Чуткие пальцы нащупали...»

Чуткие пальцы нащупали
узелки
на изношенных четках
Голос забытый, испуганный
лег незаметно и кротко
на почерневшие камешки
в мокром песке у моря

Сяду я тихо с краюшку
между молитвой и горем
Между любовью и радостью
сяду
На ручках – дитяtko
Первенца укачаю
песнею ослепительной
И белоснежными нитями
вышью кресты на ворота
Детская распашоночка
вся в серебре да золоте.
Кашей сосновой вскормленный
теплым дождем напоенный
я полечу над водами
крепко и ладно скроенный
Волосы ветром спутаны
Роем пчелиным обласканы

Сердце из звезд и севера
снова согрето сказками.
Снится мне хлеб на паперти,
Небо раскрашено вереском
Охрою золотистою
Злой киноварью и семенем
Зелье разбавлено горькое —
ночью пригублено
выпито
Невод, разорванный радугой,
души укрыл от погибели.

«Рыбаки опьянели от крепкого ветра...»

Рыбаки опьянели от крепкого ветра
Сонные губы. Туман.
Пряный закат на соломенных крышах
Пепел касается ран
Мокрые сети из темного шелка
спят на холодном песке
Хрупкие тени ожили
в сине-зеленой воде.

«Уронили крапивное семя...»

Уронили крапивное семя
в землю почти непорочную
Выросли жгучие стебли
твердые, теплые, прочные
Жарким серпом их срезали
Размололи на каменной мельнице
Ночью смешали с клевером
Хлеб замесили бездельницы.
Солнце – блаженная старица
в тесто подлила горечи
Песни слагали вечные
Только работа не спорится
Лопнул кувшин от старости
Печь покосилась
Талые
Руки
Под лаской бережной
дети уснули малые

«Пальцы сорвали ягоды...»

Пальцы сорвали ягоды —
липкие, недозревшие
Бросили в воды мутные
в реку давно обмелевшую
Омуты пересохшие
словно безвестные странники
ждали дождя
Сквозь сумерки
звезды горели дальние
Слышали голос бережный
с детством и хлебом смешанный
Там, на крестьянской пасеке
птицы поют ослепшие...

«Свистульки необожженные...»

Свистульки необожженные
из бурой, рассерженной глины
подали мне руки сонные,
а дочь принесла калины
И сказки мне лес рассказывал
о том, что пока сокрыто
У песен слова из ладана
Их сердце в огне забыто

«Рабыня вещей снов и откровений...»

Рабыня вещей снов и откровений
Простая жизнь на медном языке
колоколов
Пугливые олени
вдыхали запах крови на песке
И солнце запрягало колесницы
И снова Бог купал своих коней
И я стоял у стен Иерихона
и был одним из тысяч трубачей

«Сон рухнул...»

Сон рухнул
Словно слезы Палестины
упали на оливковую ветвь...

«Смерть вещей птиц внезапна и легка...»

Смерть вещей птиц внезапна и легка
Как девочка, что вышивает розы
на полотне из голубого льна
Над раненым цветком кружатся осы
На кончике иглы – янтарный мед
Пыльца блестит на ярко-алых нитях
И жизнь течет из потемневших сот
сквозь череду безжалостных открытий

«Чернильница полна...»

Чернильница полна
Несут в кувшинах
густое, ароматное вино
Горячий чай на бронзовом подносе
Чуть приоткрыто пыльное окно
Рука устала
Колыбель
Ребенок
смеется беззащитно
Долгий день
пропитан потускневшими ветрами
Скользнула по стене скупая тень
Двух обнаженных тел
священный праздник
и молнии серебряная нить
вдруг превратилась в пепел
ежечасья
и то, что думал я уже не скрыть
Все стало явным
и податливо-упругим
живым и неизбежным
словно смерть
И спорынья
в моем апрельском хлебе
сладка,

но беспощадна
словно червь...

«Новорожденная листва...»

Новорожденная листва
горит в огне,
что на рассвете дом покинул ветхий
Умыла руки мать в холодной мгле
и вырвался мой стон
из узкой клетки
И плоть ранима
вечное клеймо —
след родовой
на липком покрывале
Сквозь чистоту промытого стекла
смеется дочь,
увитая цветами.

«В коробочке маковой...»

В коробочке маковой
братья и сестры
испугались конского топота
Земля съежилась, стала крошечной
почти невидимой
Братья и сестры
в своей комнате узкой и темной
свечи зажгли, а лампы затеплить забыли
сидели неслышно,
иногда перешептывались
словно весенние звезды
свежестью неба дышали,
а когда кони ржали
жарко и близко
и били копытами травы,
кричали как дети,
которые в мокром поле пропали —
потерялись в сумерках синих,
плакали жалобно, горько
и так безутешно.
Братья и сестры
сундук открывали,
(медные скобы позеленели от влаги)
доставали тяжелые ткани
цвета орлиной крови

Пыль на руках оседала —
серая пыль с изумрудным отливом
Сестры головы покрывали
Братья серпы точили —
Ждали знака на небе —
месяц багряно-алый
Звезды росой умывались
Райских птиц
побелевшие тени
на зеленый бутон ложились
И слышали братья шепот —
тайнопись губ
нетронутых, нежных
своих сестер одиноких
шепот
о чистом мире,
о самом неутоённом

«Она...»

Она

словно потаенная птица

радости и сокрушения

свила гнездо

в корнях твоих древних

у бездонной реки

безымянной и чистой

уронило перо

И в глазах ее

рыбы блестят чешуею

камни становятся солнечным светом

Зеркала из бронзы и меди

в ладонях мягких и теплых

зажаты навеки.

Она вырастает в мои

от счастья уставшие веки

в сердце сажает пшеничные зерна

и ждет наступления жатвы

и ждет прихода рассвета

Листья сливы ее утешают

Она смеется

доставши до солнца

Она – сокровенное пламя

в излучине спящего лета

«Ожидание добрых вестей...»

Ожидание добрых вестей
словно радость носящей во чреве
Тана вербу несет
У полночных гостей
голос
цвета отчаянной боли
Дети спят
Азиатское небо в тоске
Под орлиными крыльями – звезды
Лес как пальцы Господней руки
И деревья как братья и сестры...

«Не рукоплещет чернь...»

Не рукоплещет чернь
На площади жонглеры
ломают на куски прокисший хлеб
бросают в воздух
Цепкие как совы
глаза убийц в растерянной толпе
Неутолима жажда откровений
и жизни бесконечной и святой
Мой ироничный друг —
весенний ветер
крадется за потерянной звездой
Слепые колдуны клянут шаманов
Под Водолеем – битое стекло
гнилых зеркал и почерневших окон
А у царей в руках – веретено
Нить размотали пьяные вассалы
Шакалы спят у брошенных дорог
Не рукоплещет чернь
И всюду флаги
И змеи выются между стройных ног

«Суровые словно камни...»

Суровые словно камни
молча стоят на коленях
Темных птенцов в рукавах
и за пазухой держат,
согревают в холодные ночи
Когда выпекают просфоры
шепчут молитвы
По жару в печи
узнают запах леса
и твердость руки лесоруба
Дети простые —
наивные губы
слова из березовых листьев
и песни из горького солнца
От взглядов неблагодарных и алчных
от рук ненасытных
Кто вас защитит?
Кто укроет?

«Слегка влажную...»

Слегка влажную
чистую простынь
к лицу прижимаешь
затишаешь,
запах вдыхая
холодный и свежий
Утром
еще не проснувшись,
в полудреме и неге
прижимаешь меня
к своей теплой и сладкой груди,
как ребенка ласкаешь
Я чувствую —
крошечный мальчик
во чреве шевелится
бьется
И лето все ближе...

«Ветер тебя обнимает под платьем...»

Ветер тебя обнимает под платьем
нащупал колени,
но руки отдернул – обжегся
Тело твое как горящие угли
Как звезды в пустыне —
путеводные звезды.
Ветер укрылся в колодце
черпает прохладу,
Чтобы утешить раны
и плачет не в силах к тебе прикоснуться,
не в силах сказать хоть слово

«Жизнь накануне любви...»

Жизнь накануне любви
Горячие краски и тени
Июньские травы в огне —
В огне изумрудном и синем...
Дети приходят из моря,
из липких, волнующих дней
В одеждах янтарных и тонких
седлают небесных коней
Кормилица
Мать всех несчастных
им вышивает узор
из дикой осоки и света
Дает им перо и топор.
Их солнце забыто в камне
И тень горяча
У снов
такие нелепые руки
и губы почти без слов

Поклоны

I. Каменные гнёзда

«Пробудившись...»

Пробудившись
Однажды утром
Уже не бояться смерти

Не бояться цепей
И семян ядовитых,
Брошенных в землю плача

Ожидая цветения зла
И порока
Не искать утешенья

Не бояться...

Руки связав с землею
Стать нескончаемым корнем,
Неуловимым потоком
Под твердой корою.

Эхом,
Исчезнувшим эхом
Вернуться в разрушенный город

На мраморе и граните
Остаться цветочной пылью

Пробудившись
Однажды утром
Встать с прохладной постели
Окна открыть
И воздух
Впустить в неподвижные реки,
Застывшие в самом сердце
Бессильных людей
И счастливых...

«Последний твой хлеб...»

Последний твой хлеб
Заклинатель воды
Гремучие змеи
Скормили птенцам

На высохшем дне
Почерневшей реки

Остались руины
Исчезнувших стран

Остались следы
Неизведанных рыб
Следы пеликанов и трав

Вода ускользнула
Барвинок и хвощ
Растут на могильных крестах

«В лесной сердцевине...»

В лесной сердцевине
Лишь крики без эха
И молнии прячутся
В терпком вине
Пугливых цветов

Просветленное лето
Уснуло в холодной воде
Пустило венки по серебряной глади
Венки из крапивы и роз
И в утреннем небе из тонкой бумаги —
Мерцание пепельных гроз

«Безгласен и слеп...»

Безгласен и слеп
Мой каменный лев
Среди потускневшего льда

На древних морщинах
Задумчивый снег
Остыл в ожидание зла

Горячие веки ушедших ночей
Крошатся
Как сломанный мел
Мой каменный лев —
Неземная печаль
Огонь умирающих тел

«Чтобы время в слова погрузить...»

Чтобы время в слова погрузить
Я буду всегда невесом
Неприметен
Неуловим
Будто солнечный ветер
Ослепительно светел

И тих

Чтобы колокол сердца
Скрепить
С очерстевшей рукою
Я буду всегда
Простодушной росой
Я буду мостом и рекою
Я буду печали родник...

«Ночь обнаженных ночей...»

Ночь обнаженных ночей.
Землю приемлет холод,
Цветущая песня огня
Твой утолила голод
Жажду твою унесла
В перьях стрижей
Землистых
Молча тоску расплела
На простынях
Душистых

«Никогда не боялись дети...»

Никогда не боялись дети
Материнской утробы
Любили её глубины
Её чистые воды

Каждый вечер встречали Эдипа —
Царя в пурпурных одеждах

Царя,
Ослепленного страстью
Приглашали
В свои владенья

Он прятал глазницы пустые,
Прикрывал дрожащей рукою,
Говорил полусшепотом,
В страхе
Вспоминал о тяжком убийстве

Звал волков и лисиц
Прирученных
Хлебом кормил с ладоней
Гладил по бурой шерсти
Поил прохладным нектаром

И звери у ног ложились
На серые плиты базальта
Грелись в лучах закатных
Под мрамором арок дремали...

Дети внимали Эдипу —
Смотрели в пустые глазницы
Настороженно слушали речи,
Пропитанные отчаяньем
Слова,
Потерявшие злобу

«Крестит детей перед сном...»

Крестит детей перед сном
Кропит святою водою
Ветер стучится в дом
Холод приносит с собою

Ветер приносит тень
Сумрак убитых воинов
В небе горит постель
Сломаны крылья
Больно...

«Нелепый хоровод...»

Нелепый хоровод
Размеренных дождей

Мы укрощали боль
И затихали реки
Мы – близнецы с тобой
Под мантией тугой
Хрустальное стекло
В смертельной неге

«Ты – сама неподвижность...»

Ты – сама неподвижность
В излюбленном царстве
Цветов и пророков
Простота в ожерелье
Из пламенных сот

Опустевшая гавань,
Залитая солнечным светом
Словно влажные губы
Прозящий и трепетный рот

«иеродиакону Марку...»

иеродиакону Марку

Теперь твое художество иное —

Веселия огонь
Благоуханный свет

Ни суета разбуженного роя
Ни горькая тоска
Прожитых лет
Не потревожат
Скромного убранства
Простых и бережных
Иисусовых молитв

Теперь лишь послушанья постоянство
В твоих глубинах
Чистоту хранит

«Ведьмы всегда умирают...»

Ведьмы всегда умирают
С разорванным сердцем
Молот Господень
Пронзает гнилые тела
В мутных зрачках
Когти демонов
Тени
В пене синеющих губ
Два зловонных крыла

Остекленевшие руки
На простыне белой —
Ветви сухие,
Что пахнут могильной травой

Ведьмы всегда умирают
Омытые серой
Души распилены
Ржавой
Кривою пилой

«Там, под навесом...»

Там, под навесом
Давят виноград
Три женщины
С горячими губами

Полунагие
Потные тела,
Прикрытые солеными власами

Бежит мускат
По грубым желобам,
Чтоб стать вином
Янтарным и веселым

Приходят корабли
Из дальних стран
И трюмы наполняют
Легким звоном

И день грядет
С отточенным серпом
Внезапный
Быстрокрылый
Ангел света,
Несущий сталь
Под золотым листом
День тлеет
На ладонях злого лета

И грубый холст,
Испачканный травой
И шаль пурпурная
Наброшены на плечи
Слепой лозы

Журчащий полдень
Зной
Пьянеет
От своей тягучей речи

И сотни рук
Приносят виноград
Корзины

Липкий сок
Усталые движенья
В давилне солнце
Сбросило наряд
Зажав в коленях дрожь
От нетерпенья

«Зима...»

Зима
Как испуганный странник
Таится в бесшумной груди
Твоя кровь
Драгоценна во мне
И чиста
Твоя кровь —
Колокольчик на ветвях луны

Наперекор нищете и слезам
На ясных гранях
Бурлящей воды
Проворная кровь
Бежит между скал
Алмазы сжимает в горсти

А зима
Чеканит на солнце круги

Под крышей чужих домов
Как приёмная дочь
Сидит за столом —
Боится взглянуть за порог
Боится внезапного стука в дверь

На погасших дождях ноября
Зима
Оставляет
Свой снежный обед
Свой хлеб
Из хрустящего льда

«Глаза...»

Глаза
Две хрустальных струи
Танец змей
На горячих камнях,
Белым голубем
Старцы глядят с высоты
Медный обруч
На свежих хлебах

Завороженный шепот
Тибетских снегов
На бумажных иконах —

Мосты
Уносящие сердце
В бездонный поток
Тихой радости
И чистоты

На бумажных иконах —
Святая роса
Мягким светом
И желтым огнем
Обжигающий пепел
Покрыл небеса
Млечный путь
Стал багряным листом...

Тибет

Змеиные
Пестрые ленты —
Лоскутки на тонких шестах
Реют в порывах холодного ветра
Смеются в непальских камнях

Бьются о воздух
Извилистым телом
Поют о великой земле

Лоскутки
Непрестанные мантры
Барабаны
В растерянной мгле

«Между полной луной...»

Между полной луной
И сладостью сентября —
Голоса удивительных птиц
Напряжение нового дня

Рождение звезд
Песок
На руинах моих городов,
Пожирающих славу и верность
Сбирающий тяжкий оброк...

Шахта. Посёлок

Тень саранчи
На яблоневом поле
Гиены вой
Как хохот колдунов
И дикий свет зрачков

Несущий горе
Для путников заблудших
И сынов —
Сынов забытых шахт
Безводных русел
Холмов
Уставших от слепых небес

Гиены бродят по стеклянной глине
На полосатой шкуре —
Мелкий бес

Дорога смыта
Желтыми дождями,
Сосут младенцы грудь,
А в молоке —
Хрустящий уголь
И дробленный камень,
И пыль черна
Остыла на стекле

Чудовища – чугунные машины
Погибшие от долгого труда
Лежат в траве
Бессмысленно
Недвижно
Их отражение уносит прочь река

Река

Как полумертвая старуха —
Завшивленные волосы
И рот —
Гнилой провал,
Глаза гноятся,
Десны —
Разрушенный
Внезапной бурей свод...

И пламя от костров,
В котором дети
В холодный полдень
Плавят свой свинец,
Не отпугнет гиен,
Песчаный ветер
Сеть натянул
Среди дырявых стен...

«Непокоренный и славный...»

Непокоренный и славный
В хитоне из алого шелка
Погружается в мягкую землю,
Стирая священные грани

Затихнув в лесной полутени
Глядит на затмение солнца

Надежные, теплые ветви
Ласково гладит руками

Сквозь тело его прорастают
Янтарные, буйные злаки,
Под тяжестью птиц
Сгибаясь
Деревья пускают корни,
Цветы полевые
И травы
Ложатся венками на плечи,
Пронзают виски золотые
Мраморный лоб украшают

Торжество потаенного мира
Буйство природных красок.

Непокоренный,
Ты создан
Из плодоносного света
Подобный
Рвущейся боли
Родовых, беспощадных схваток

Имя твое безгранично
На каждом вздохе Вселенной
Начертано звездной пылью
Начертано многократно...

Время твое – многолико
Быстрых ресниц движенье,
Бег леопарда и лани,
Полет зловещего грифа...

Непокоренный,
Ты властен
Над нашим замерзшим сердцем
Над радостью и печалью
Над плачем
Над тихим криком...

«Он ждет в перевернутой лодке...»

Он ждет в перевернутой лодке
Ребенок песка и прибоя
Цветы собирает
И в полночь
Стоит над прохладной рекою
Сгорают и падают звезды
На перьях стремительной птицы
Их пепел блестит словно камни —
Сокровища властной царицы

Он ловит колючую рыбу
В густом камыше у протоки
Он пьет травянистую влагу

Вкушает древесные соки

И тлеет искрящийся уголь
На берегу влажном и дымном

Он спит между жаждой
И страстью
Ребенок смешливый
Невинный

«Разбуженный пламенем...»

Разбуженный пламенем
Дом
Стоящий на гладком зерне
Вздрыгнул от страха
Обнял
Призрак своей наготы

«Сквозь прозрачную воду...»

Сквозь прозрачную воду
На липкое дно
Падают тени листьев

«Мальчик...»

Мальчик,
Рожденный для нового века
В водной стране
Отыскал
Чистый, доверчивый воздух
Звуки прилива
В расщелинах скал

Зеркало в солнечных каплях
Соль на шершавых камнях
Легкость и свежесть деревьев
На изумрудных волнах...

«Будешь ты...»

для Т. Л.

Будешь ты
Ноября воплощенье
На оливковых водорослях света,
Обретающих вечный приют
На незрячем песке,
Обожженном в кострах

Ускользнувшего, долгого лета

Замерзающих губ

Пламенеющий гнев

На разбрызганных красках рассвета

Будешь ты

Тяжелее

Молчанья затопленных барж

Легче

Снежного платья,

В которое

Зимнее море одето...

«В немой прохладе горного покоя...»

В немой прохладе горного покоя

На нитях радуги,

Окрашенной дождем

Сверкает день —

Архангельские крылья

Окроплены рубиновым вином

Лев одинокий

(Солнце над пустыней)

Свернулся кротко

Возле пирамид

И стон земли

Под лепестками лилий
Подобен звукам
Отшумевших битв

«В перьях разбуженных птиц...»

В перьях разбуженных птиц
Спрятала ночь свою книгу
Но ветер буквы смешал
Луне в подол кинул

Луна размолочила буквы
На жернове звездном
И вдруг
Уронила муку
На травы
Цветы
И сосны...

«Кровоточат иконы...»

Кровоточат иконы
Осень. Схима. Свеченье.
Сотни крошечных молний
Пронзают оклад

Богородицы лик все светлее
И чище
Обряжаются краски
В свой яркий наряд

Скоро век окунется
В безудержный хохот
Сатаны
В скользкий холод
Драконьих хвостов

Грубо кости раскрошит
Разнузданный молот
Лжи и страха
В руках вечно пьяных шутов

Кровоточат ладони.
Осень словно игрушка
Позабыта детьми
Горько плачет в углу

Безутешное время
Чудес и пророчеств
Обхватило руками
Гнездо на ветру

Обхватило и держит
Трех птенцов
Невесомых

Согревает теплом
Сокровенных сердец

Кровоточат иконы.
В белом кружеве снега
Я стою —
Одряхлевший чернец...

«Полунагая мать...»

Полунагая мать
Склоняется к ребенку
У колыбели сыпет освященный мак
Круг чертят маковые зерна,
И отступает прочь
Холодный мрак

И ночь похожа на слепую пряжу
Ткет полотно из шорохов реки
Струится дождь на каменную плаху
Смывает пыль с заржавленной сохи

Кропит углы
Мать кровью петушиной
И дочери тревожный, хрупкий сон
Сливается с песочными часами
И тает на губах прозрачных волн

Полынь висит у изголовья
Влага
Сквозь щели в стенах
Проникает в дом
Мать засыпает медленно
Без страха
Вдыхая воздух
Потемневшим ртом...

«Змеиное яйцо...»

Змеиное яйцо
Мне обжигает пальцы
Головки пробивают скорлупу
И обвивают бронзовые пальцы
Детеныши, сосущие росу

Росу, застывшую
Душистую смолою
На маковых цветах
И листьях роз

Скользят,
Свивая маленькие кольца
Змеёныши
Как отблеск синих гроз

(Как грозовые тучи,
Вспышки света
В угрюмой темноте
Без ярких звезд)
Скользят
Сквозь заросли серебряного веха
Сквозь звуки эха
В гнездах черных ос

«По лезвию тончайшему...»

По лезвию тончайшему
Ножа
Ползет улитка
Сталь под тенью спит
В зенит стремится солнце
И вода
На ягодах терновника дрожит

И мир
Такой отчетливо прямой
В неуловимый
Тающий прилив
Одежды сбросил
Стройный и нагой
Он неожиданно спокоен
И красив...

«Вдоль длинной насыпи...»

Вдоль длинной насыпи
Где мы охвачены тоскою
Под крыльями грифонов и химер
Нет ничего
Лишь время колдовское
Качается на маятнике тел

«Я – ключ от всех замков...»

Я – ключ от всех замков
Я – побережье страха
Задумчивая тень
На тонких плитах мрака

Ничтожнейшая пыль
На сапогах солдатских
И горькая полынь,
Что спит в могилах братских

Я – волк среди волхвов
Я – солнечная осень
Я в гриве вороной

Серебряная проседь...

«Твои груди полны молока...»

Твои груди полны молока
И небесного света
На осеннем песке
Оставляя свой крохотный след
Ты в потоке речном
Уплываешь с осколками
Грустного лета
На затерянный остров
Расплавленных слез и любви

«Там, где снег на высоком холме...»

Там, где снег на высоком холме
Звуки арфы сладчайшей и лиры
Ночь лежит на холодной земле
На запястьях сверкают сапфиры
Недоступных светил
Из далеких миров
Изумруды – на трепетной шее

Там, где падают звезды

В глубины веков
Ночь хрустальные молнии сеет

Ждет желанные всходы
Горячих семян
Тростника грозовые побеги
Незаметно касаются призрачных ран
В пальцах ветра текущие реки
Языки говорливого пламени
Сон (многоликий близнец мироздания)
Собирают полуночный ужин на стол
Приближается время свиданья

Ночь встречает гостей
У открытой двери
Шелк струится по бархатной коже
Гости —
В синих плащах
В тайной комнате сна
Им готово прохладное ложе
Шелест крыльев испуганных бабочек
Смерть
Притаилась в измятой постели
Гости
Медленно входят
В разбуженный дом
Цепь звенит на измученном теле...

Грузия. Монастырь Святого Креста

Их только двое здесь
Простых монахов
В замерзшем храме
На пустой горе

Бесцельный звон
Волнующий и строгий,
«Святой и волк» —
Икона в алтаре

Три грубых фрески —
Красный и лиловый
Густые краски
Вековая пыль

Читают службу
Громко и надрывно
Листает ветер
Ветхую псалтирь

И лунный свет
Ползет по голым стенам
Вот, он поблек —
Туман стекает с гор

И у дверей
Своей печальной кельи
Я с темнотою затеял разговор

«Цветов гниющих...»

Цветов гниющих
Сладковатый запах
Коснулся лепестков
Дрожащих роз —
Колючие, изогнутые стебли
Манили свежестью
Лесных
Блестящих ос

Пробились стебли
Сквозь гранит и мрамор
Могильных плит,
Сквозь золото имен

Покой сочится маслянистой влагой
Деревьев – созерцателей времен

Прозрачных и унылых расстояний
Забыто бремя
Тихий блеск икон
В простой часовне

На исходе лета
Перед Владычицей
Спасительный поклон
И сонный дух рассеян панихидой
Наполнен воздух веселящею смолой
И над землей нелепые обиды
Смывает дождь
Прохладную волной

«На солнечной скрижали...»

На солнечной скрижали
Отчий перст
Выводит Слово
И увенчана короной
Пречистая Звезда
Превышшая небес,
Архангелы
Ткут молнии
И снова
Миро стекает из разбуженных сердец
Врачует раны
Страхи
И сомненья,
Три девственные лилии растут
На древних ложах
Как благословенье,

Эфир сверкает
Благость Божьих рук
Ложится на священные растенья,
Перебирает четки
Странный друг
Хранитель мой
И неземное пенье
Благоговейно вознеслось к Творцу
Разорван круг иллюзий и желаний
И озарение сломало тяжесть мук
Испепелило ложь
Пустых страданий...

II. Сны накануне войны

«Все дни твои – лишь мантии...»

Все дни твои – лишь мантии

Господней

Неуловимый блеск среди оков

Земных, витиеватых наслаждений

И повторения запутанных грехов

Все дни твои – лишь ожиданье смерти

Среди растерянных,

Чуть тлеющих молитв

И письма о любви

В простом конверте,

Что превратились в погребальный крик

Но есть величье в приглушенном

свете

Воспоминаний,

Светлая печаль

Туманной дымки

Над морской водою

И птичьего полета

Сонный рай

Соленого и мокрого железа
Прикосновение
К холодному стеклу
Твоих ладоней
Сильных и безбрежных
И сладкий запах
Листьев на ветру...

«Петухи гребешками трясут...»

Петухи гребешками трясут
Капля за каплей ночь выпивают
Золото дней стерегут
Зерна пшеницы
В четки вплетают

Гонят овец пастухи
Жены читают Писанье
В сердце вонзили мечи
Бог им готовит изгнание:
Жизнь на чужбине
Мятежные сны
Плач у икон на рассвете
И ожидание ущербной луны
В узком небесном просвете,
Сотни проклятий несут на плечах

Руки висят словно плети,
А за спиною – прекраснейший сад,
Где укрываются дети —
Пьют молоко,
Козий сыр на траве:
Вкус маслянистый и пряный,
Мокрые губы
И на земле
Дождь отдыхает упрямый

Перетекает в холщовый подол
Женщин, иссушенных зноем
Смуглые лица.
Окрашенный стол
Грустью и палой листвою...

«Пустынник-сарацин...»

Пустынник-сарацин
Зеленый ящер
Ползет по раскаленному песку
Уродливые лапы
Жесткий панцирь
Зияющая рана на боку

Пронзён копьем невидимого воина
Дыхание – клокочущая дрожь

Надрывный хрип из огненного горла
Движение тела – шорох толстых кож,
Стекает с языка пахучей влагой
И на шипах блестит лиловый яд
И прежде смелый взгляд —
Топор над плахой
Неотвратимой смерти
Тихо рад

Песок горяч
Пропитан черной кровью
Где кровь суха – растет чертополох
И два крыла опущены безвольно
На острых перьях заалел восток

Дракон грызет сырую глину
Камень
Скребет когтями
Выбился из сил,
А в небе призрачном
Под солнечною медью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.